

2012/2 (8)

УДК 061.6(091):008

Кудрявцева Е. Б.

Содержание

Теоретическая культурология

Румянцев О. К.

Быть или понимать:
универсальность нетрадиционной
культуры (Часть 2)

Нугаев Р. М.

Социокультурные основания
европейской науки Нового времени

Историческая культурология

Сайко Е. А.

Этические и нравственные аспекты
русской культуры
повседневности в контексте книжной
культуры конца XIX — начала XX в.

Фазлуллин С. М.

Изучение и сохранение подводного
историко-культурного наследия
России

Прикладная культурология

Сеславинская М. В.

К истории «большой цыганской
миграции» в Россию:
социокультурная динамика малых
групп в свете материалов
этнической истории

Гуманитарные исследования

Фортулатова В. А.

Культурное моделирование
литературного текста

Люсий А. П.

Текстуальная революция или
семиотическая мутация?
Об одном культурологическом
путешествии в петербургской
маршрутке, концептуализированном
пробкой на улице Пестеля

Штейнер Е. С.

Левизна художественная

Образование и первые годы существования Института

Аннотация. В статье рассматриваются состояние краеведения в период возникновения института (ныне — Российский институт культурологии), освещаются процессы реформирования института, изменения стоявших перед ним задач, эволюция основных направлений его работы, организационной структуры и пространственной локализации на протяжении 1932–1947 гг. Представлены основные формы деятельности института, его участие в сохранении и выявлении памятников истории и культуры в рассматриваемый период, а также краткие биографии директоров института. Охарактеризована их организационная и научная деятельность.

Ключевые слова: краеведение, краеведческие учреждения, музееведение, Центральное бюро краеведения, Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы, Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы, А. А. Ширямов, Н. М. Коробков

Российский институт культурологии был создан в 1932 г. как Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы. Это было время подавления добровольных общественных организаций, в том числе и краеведческих, и превращения их в государственные структуры. Тем не менее, благодаря заинтересованной работе сотрудников, с самого начала своего существования институт стал играть заметную роль в изучении отечественной культуры и охране ее памятников. К сожалению, архивных источников, относящихся к первым годам существования института и особенно личных дел его сотрудников, сохранилось не много, и они оказались рассеяны по разным архивохранилищам. Более доступны оказались материалы, связанные с директорами института, которые дают некоторое представление о научной атмосфере того времени, но и здесь имеются существенные лакуны. Настоящая работа выполнена с целью восполнить существующие пробелы в истории института, которая достаточно полно представлена лишь начиная с послевоенного времени [1].

Первые пятнадцать лет существования института — его становление и реорганизации — символически отразились в отсутствии постоянного собственного помещения и изменениях его адресов. Со времени основания институт располагался в Зарядье, на углу Псковского и Елецкого переулков в доме 4/12 [2]. Эти переулки исчезли во время

и политическая в детской книге Европы и Америки 1920–30-х гг. (Часть 1)

Пигальская А. М.

Подходы к конструированию истории дизайна и его практики

Ващенко А. В.

Двуликость Януса: мифология встречи старого с новым

Малая культурологическая энциклопедия

Вячеслав Леонидович Глазычев

Pro memoria

Разлогов К. Э.

Флиер А. Я.

Севан О. Г.

Вячеслав Глазычев:
архитектура человека

К 80-летию Российского института культурологии

Кудряцева Е. Б.

Образование и первые годы существования Института

Рецензии

Рыбак К. Е.

Об итогах деятельности музеев России (по материалам доклада Союза музеев России)

Научная жизнь

Кужелева-Саган И. П.

Носова С. С.

Новомедийные формы международного научного сотрудничества

Жукова О. А.

Актуальные проблемы современного культурологического знания: глобальный мир в культурологическом измерении

Малыгина И. В.

«Семиосфера» Ю.М. Лотмана: рецепции в современном социально-гуманитарном знании

строительства гостиницы «Россия», а собственно здание было разобрано при строительстве Большого Москворецкого моста в 1937 г.

Затем Институт размещался по нескольким адресам: в здании Музея боярского быта, с 1932 г. ставшего филиалом Государственного Исторического музея (сейчас «Палаты Романовых» ул. Варварка, д. 10) [3], и в двух комнатах арендуемых у домоуправления многоквартирных домов, один из которых находился по адресу Псковский переулок, д. 5. Еще два помещения располагались в бывших торгово-складских зданиях, в которых отсутствовали «вода, отопление, уборные и нормальный дневной свет» [4]. Эти помещения институт первоначально делил с Высшими музейными курсами при Наркомпросе.

Во время войны институт находился уже в здании Политехнического музея (Китайский проезд, дом 3/4), где сначала институт занимал помещение в 12 подъезде [5], а в октябре 1945 г. переехал в результате реорганизаций учреждений Наркомпроса в 3 подъезд того же здания.

Методический кабинет Института еще за восемь дней до начала Великой Отечественной войны переехал в помещения, располагавшиеся в палатах Аверкия Кириллова и в здании Никольской церкви на Берсеневской набережной [6]. В 1947 г. выяснилось, что для нормальной работы и в связи с расширением деятельности Института опять не хватает помещений [7], и он полностью переехал в палаты Аверкия Кириллова, где делил здание с сотрудниками управления «Дома на набережной», которые в 1932 г. получили здесь квартиры, просуществовавшие до конца 1950-х гг.

* * *

После 1917 г. краеведение, соединившее естественнонаучное и культурно-историческое изучение территорий, получило повсеместное распространение: образованные люди нашли сферу, в которой они могли бы применить свои знания и творческие силы [8]. Это было добровольное и демократическое движение, которое стало важным явлением общественной жизни России. В начале 1922 г., после первой всероссийской краеведческой конференции и Общего собрания Академии наук, признавших желательным соединение работы Академии наук и краеведческих организаций, было организовано Центральное бюро краеведения (ЦБК). До 1925 г. оно находилось под руководством Российской академии наук, председателем бюро был академик С. Ф. Ольденбург (1922–1927), активными участниками его работы — многие видные ученые. Период с 1917 по 1927 г. часто называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения — несмотря на бурные политические события, количество краеведческих музеев по сравнению с дореволюционным временем увеличилось с 94 до 576, а обществ и кружков краеведов — с 61 до 1112 [9].

Подобные институты гражданского общества казались опасными для политического режима, и в 1924 г. на XIII съезде РКП(б) был поднят вопрос о месте общественных организаций в Советском государстве. Было решено, что они должны работать в тесной взаимосвязи с хозяйственными, просветительскими и партийными организациями. В свете этого решения в 1925 г. ЦБК перешло в ведение Главного управления наукой Наркомпроса РСФСР, а в 1927 г. постановлением СНК РСФСР «О порядке производства краеведческих работ на территории РСФСР» краеведческие учреждения и организации стали подчиняться Наркомпросу, лишившись таким образом «характера общественных добровольческих организаций» [10]. В том же году III Всероссийская

краеведческая конференция приняла решение о перестройке «краеведения для активного участия в социалистическом строительстве» [11], после чего из состава ЦБК и редколлегий его печатных органов — журналов «Краеведение» и бюллетеня «Известия ЦБК» — были выведены Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман и введены новые члены, разделявшие идеологические установки партии и правительства. В это же время начали закрывать краеведческие учреждения, стало прекращаться их и так скудное финансирование. «Золотое десятилетие» заканчивалось...

В 1929 г. начались массовые «разоблачительные» кампании, затронувшие отечественную культуру и общественную жизнь. К этому времени относятся первые судебные расправы над теоретиками и практиками экскурсионного дела: известным историком, искусствоведом, членом ЦБК Н. П. Анциферовым, историком естествознания, видным педагогом Б. Е. Райковым и др. Дела членов ленинградского отделения ЦБК: руководителя Ленинградского отделения ЦБК, историка астрономии, заведовавшего секцией фенологии Д. О. Святского; историка и искусствоведа Г. Э. Петри; заведовавшего библиографической и фотокраеведной секциями, известного историка Н. Н. Павлова-Сильванского были выделены в особое «дело краеведов»; некоторые ленинградские краеведы были репрессированы в связи со знаменитым «делом Академии наук» 1929–1931 гг. Перед «советскими краеведами» партия поставила новую задачу — содействие социалистическому строительству, для чего было необходимо заменить старое «буржуазно-академическое» краеведение новым. Были закрыты прежние периодические издания ЦБК, и вместо них с 1930 г. бюро стало издавать журнал «Советское краеведение» (1930–1936). Его первым редактором стал бывший ранее ответственным редактором бюллетеня ЦБК, выдающийся метеоролог А. Ф. Вангенгейм, но через полгода его сменил чиновник Наркомпроса И. Г. Клабуновский, избранный членом ЦБК еще в 1927 г. на переломной III конференции краеведов.

Прошедшая в марте 1930 г. IV Всероссийская краеведческая конференция признала, что в краеведческом движении повсеместно наступил перелом, и приняла решение о роспуске прежних краеведческих обществ и реорганизации краеведения. Осенью того же года вышло «Постановление коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР об обследовании и чистке ЦБК» [12], в котором говорилось о необходимости подчинить работу краеведов «социалистическому строительству», критиковалась работа старых краеведов, их «буржуазно-кулацкие установки», утверждалась необходимость борьбы с аполитичностью в краеведении и укрепления ЦБК «марксистскими силами».

Для борьбы с остатками демократически построенных структур создавались новые: в противовес уже переподчиненному и «обновленному» ЦБК в 1931 г. было создано Общество краеведов-марксистов (ОКРАМ) при Комкадемии ЦИК СССР. Новое общество должно было стать «кузницей и горнилом», в котором будут коваться марксистско-ленинская методология на фронте краеведения; его председателем стал Н. В. Крыленко, известный революционер, с 1931 по 1936 гг. являвшийся народным комиссаром юстиции РСФСР. В следующем 1932 г. в записке ОКРАМ также указывалось на необходимость «правильного идеологического руководства» и рекомендовалось «создание Центрального краеведческого института и выделение сети показательных организаций», которые могли бы стать

«рассадником техники краеведной работы» и «правильной постановки методической работы».

О создании своего института краеведы мечтали уже давно. Так, в 1924 г. предполагалось, что он будет разрабатывать вопросы специальных исторических дисциплин, необходимых для выявления и сохранения культурного наследия. В 1930 г. IV краеведческая конференция приняла решение создать Центральный институт краеведения, задачи которого в новых условиях предполагалось определить следующим образом:

- разработка теоретических вопросов краеведения («идеология») и его методологии;
- оценка местных ресурсов на территории СССР и возможного приложения краеведческих сил к их изучению;
- обобщение результатов краеведческих исследований с целью использования имеющихся ресурсов в хозяйственной и культурной жизни;
- повышение научной квалификации краеведов, подготовка новых кадров;
- обеспечение краеведения научной литературой, создание специализированной центральной библиотеки и отраслевой библиографии;
- создание таких структур, как научно-краеведческое издательство, а при необходимости — сети опытных и наблюдательных пунктов и станции;
- установление научных связей с зарубежными краеведами и обмен опытом [13].

Создан же был такой институт 15 мая 1932 г. по постановлению Совнаркома РСФСР и получил название Центрального научно-исследовательского института методов краеведческой работы (ЦНИИМКР) [14]. Можно сказать, что его учреждение открыло новую страницу реорганизаций в сфере краеведения, с чем, видимо, и были связаны частая смена руководства института, изменение направлений деятельности и его пространственные перемещения. Первоначально институт состоял из четырех секторов — общих вопросов, изучения естественных богатств, экономического и национального краеведения — и, в отличие от ЦБК, ставил своей задачей не оперативное организационно-методическое руководство краеведением, а научное исследование краеведного движения. Институт, как и ЦБК, находился в подчинении у Наркомпроса РСФСР, а его первым директором был назначен М. П. Потемкин, бывший с 1930 г. ученым секретарем ЦБК [15].

Михаил Петрович Потемкин родился в Твери (1876), в семье врача, закончил Петербургский университет по специальности биология и продолжил обучение во Франции, владел тремя языками. Его революционная деятельность началась еще в период первой русской революции, в РКП(б) он вступил в 1918 г. По окончании университета преподавал в различных гимназиях и после Октябрьской революции продолжил работать в сфере просвещения, затем — в Главнауке Наркомпроса. Работу в Институте он сочетал с руководством редакцией естествознания и географии в Учпедгизе [16].

М. П. Потемкин изложил задачи, стоящие перед Институтом, в журнале «Советское краеведение». Прежде всего, это было изучение тех вопросов, которые интересовали советское правительство. Краеведы должны были сосредоточиться на поиске сырья «для станков пятилетки», хотя основная

задача ЦНИИМКР виделась ему изучение самого «процесса краеведной работы в целях выработки наиболее рациональных методов ее ведения» или разработка идеологически выдержанной методологии [17]. Задачей института также стала организация краеведческой работы и непосредственное включение в нее, для чего в течение нескольких месяцев было выработано положение о внештатном сотрудничестве для привлечения широкой «пролетарской, колхозной и научной общественности». Другой не менее важной задачей стала подготовка высококвалифицированных кадров научных сотрудников (создание аспирантуры). В своих выступлениях Потемкин отрицал дублирование функций Института и ЦБК, указывая на другие его задачи.

ЦНИИМКР начал первые самостоятельные полевые исследования на участке строительства канала Москва — Волга. Это был поиск строительных материалов (песок, гравий, строительный камень и торф), и в дальнейшем связанные со строительством работы заняли важное место в деятельности института. Здесь необходимо отметить, что сотрудники ЦНИИМКР широко понимали свои задачи: помимо решения народнохозяйственных задач они взялись за исследование памятников истории и культуры, которые могли пострадать или исчезнуть в ходе строительных и ирригационных работ первых пятилеток (материалы этих исследований регулярно публиковались в журнале «Советское краеведение» за 1932 г.). Так, были изучены археологические памятники Москвы, обнаруженные при начале строительства метрополитена.

Но все же главной для ЦНИИМКР была научно-методическая работа. Сотрудники института занялись разработкой научно обоснованных программ, инструкций и пособий по краеведческой работе, а для их публикации был создан издательский отдел. Специально создавались методики краеведческих изысканий для самостоятельных исследователей, например, рекомендации по составлению походных лабораторий для определения полезных ископаемых в полевых условиях; для краеведов проводились консультации. Одним из направлений работы стал учет краеведческой литературы и ее оценка как с научной, так и с идеологической точки зрения. Последнее было особенно важно, поскольку борьба с «классово враждебными влияниями в краеведении» оставалась «актуальной».

В 1933 г. реорганизация краеведческих учреждений, включая и ЦНИИМКР, продолжилась: 13 марта приказом Наркомпроса № 119 ЦНИИМКР был передан в ведение Центрального бюро краеведения Наркомпроса РСФСР [18], в тот же день М. П. Потемкин, не проработав и года директором института, подал заявление об уходе. Новым руководителем был назначен математик по образованию Анатолий Александрович Канчеев (1884–1940), бывший заведующий сектором науки Наркомпроса и председатель ЦБК [19]. Он, как и М. П. Потемкин, был естественником, занимался геологическими изысканиями, а пост директора ЦНИИМКР, на котором он находился до 1935 г., совмещал с аналогичной должностью в Объединенном научно-исследовательском астрономическом институте им. П. К. Штернберга [20]. В связи с упразднением ОКРАМ (1933) журнал «Советское краеведение» стал органом ЦБК и ЦНИИМКР (в июле 1936 г. его редакция уже находилась в здании института). В 1935 г. директором института был назначен П. М. Никифоров [21].

В 1937 г. реформирование краеведения и связанных с ним учреждений вступило в завершающую стадию. 10 июня 1937 г. было принято постановление СНК РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах», по которому ЦБК было ликвидировано, а Институт

был объединен с Высшими музейными курсами и преобразован в Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы (НИИКМР) [22]. Наконец, письмом Наркомпроса «О постановке и организации краеведческой работы» (1938) были закрыты все краеведческие организации, а такого рода работу предлагалось вести в производственных коллективах, при домах культуры, учебных заведениях и т.п. [23].

Потребность в научно-исследовательском институте, который мог бы заниматься проблемами музееведения, ощущалась уже давно. Еще на I Всероссийском музейном съезде (1912) говорилось о необходимости создания такого учреждения. Преобразованный институт по-прежнему состоял из четырех делившихся на подразделения научных секторов, профиль которых был, однако, изменен. Это были сектора:

- естественноисторический (геологии, животного и растительного мира);
- исторический (общей истории, истории революции);
- экономический;
- культуры и быта.

Для обеспечения систематической, широкой консультативной работы был образован Методический кабинет, состоявший из трех секций: краеведческой, музееведческой и по работе со школами. Всего же численность сотрудников института до войны не превышала 50 человек (включая дворников и уборщиц).

В соответствии с Положением Наркомпроса РСФСР, задачи нового учреждения сводились к следующему:

1. Изучать и обобщать опыт работы музеев и краеведческих организаций, передавая лучшие образцы их работы всей сети музеев;
2. Разрабатывать общий и специальный научный, методический и учебный материал по «краеведно-музейной работе»;
3. Оказывать содействие и консультационно-методическую помощь музеям и краеведческим организациям в постановке научно-исследовательской работы, обработке собранного материала и его экспонирования в музеях, а также — его использованию в массовой просветительной работе музеев;
4. Вести работу по подготовке и переподготовке музейно-краеведческих кадров, повышению их квалификации [24].

В 1939 г. в структуре Института была создана открытая секция техники музейного дела, к работе в которой были привлечены свыше сорока работников московских музеев. В ее задачи входило «обобщение опыта отдельных исследователей и музеев и содействие внедрению имеющихся достижений в практику музеев и выставок посредством специальных докладов и выступлений в печати; учет и фиксация опыта работы; содействие научно-исследовательскому институту краеведческой и музейной работы в собирании для него материалов по вопросам музееведения (литература, рукописи, фотографии, иллюстрации и проч.); содействие всем членам секции в вопросах повышения музееведческой квалификации» [25]. С началом Великой Отечественной войны работа секции техники музейного дела была свернута и более не возобновлялась.

К числу основных сфер исследовательской работы института можно отнести анализ и оценку опыта работы музеев, методики

комплектования и хранения коллекций, проблемы экспозиционного показа, вопросы массовой и экскурсионно-лекционной работы, разработку принципов и методов краеведения и др. Свою цель сотрудники видели не только в «борьбе за идеологическую выдержанность экспозиции», но и в создании научно обоснованных методов их построения, насыщения конкретными фактами. Значительное внимание отводилось разработке типовых тематических планов экспозиций, примером чего может служить «единый тематико-экспозиционный план» отдела социалистического строительства, рекомендованный для всей сети краеведческих музеев.

В наследство от ЦКБ институту досталась обширная научная библиотека и библиографическая картотека краеведческой литературы, и после расширения тематики его исследований встала новая задача: создать аналогичную картотеку по музейному делу. Велась она по нескольким направлениям (состояние музейного дела за границей, история музейного дела в СССР, техника музейного дела), продолжая в этом отношении работу отдела теоретического музееведения Государственного исторического музея, существовавшего в 1918–1933 гг. Создавалась также картотека музеев СССР, которая должна была стать основой для «Справочной книги по музеям СССР». Кроме того, для «Справочной книги по музеям РСФСР» и СССР были составлены вопросники (в 1941 г. вышли лишь краткие указатели музеев Москвы и Московской области [26]). Институт сохранил право издания своих трудов, как научных, так и методических в объеме 30–36 печатных листов в год.

Весной 1938 г. директором Института был назначен Александр Александрович Ширямов (1883–1955). А. А. Ширямов родился в Иркутске, в семнадцать лет стал членом РСДРП, был арестован, в период революции 1905 г. работал в большевистских организациях Иркутска и Красноярска. Во время Февральской революции он был избран председателем Арбагарского Совета рабочих депутатов, принимал активное участие в установлении советской власти в Забайкалье, командовал отрядом Красной гвардии. С приходом белых он перешел на нелегальную работу в Приморье и в Иркутске, в конце 1919 г. был избран председателем подпольного сибирского комитета РКП(б), в 1920 г. стал председателем ВРК Иркутска (в Иркутске имеется улица его имени) и, возможно, имел отношение к расстрелу А. В. Колчака. С образованием Дальневосточной республики Ширямов был назначен членом Военного совета Народно-революционной армии Дальневосточной Республики, а в июне 1920 г. был переведен на партийную работу в Омск. В 1923 г. Ширямов переехал в Москву, где сначала работал в оборонной промышленности, а затем занялся вопросами культурной революции. С 1935 г. он занялся краеведением [27].

Трезвое понимание ситуации и твердость характера А. А. Ширямов продемонстрировал в первые месяцы Великой отечественной войны. Правильно оценив положение на фронте, он стал рассылать директорам периферийных музеев официальные письма, в которых писал о необходимости спасать фонды, за что приказом Народного комиссара Просвещения от 22 сентября был снят с должности директора «за проявление паникерских настроений». До середины октября он продолжал работать в институте в должности заведующего сектором истории, а затем эвакуировался — сначала в Омск, а затем в Ташкент. Впоследствии в Наркомпросе, видимо, оценили предусмотрительность А. А. Ширямова и отменили приказ об увольнении с формулировкой «полагать освобожденным от работы по его просьбе» [28].

С первых дней войны специалисты института включились в работу по спасению памятников культуры и музейных коллекций. Были разработаны и оперативно внедрялись рекомендации по экстренной эвакуации фондов и созданию условий по сохранению коллекций на временно оккупированных территориях. Уже в августе 1941 г. институтом была организована первая объединенная выставка московских музеев «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», готовились другие выставки [29]. В течение 1942 г. их было подготовлено уже 316. По инициативе института начался планомерный сбор реликвий, отражающих борьбу с фашизмом [30].

В годы войны краеведческая деятельность вновь обрела актуальность — встали задачи более интенсивного использования местных ресурсов (заброшенные разработки полезных ископаемых, сбор лекарственных и других полезных растений и т.п.) и пропаганды памятников, пробуждающих чувство патриотизма. В первую годовщину начала войны Нарком Просвещения РСФСР издал приказ «О мероприятиях краеведческой работы в дни войны» [31], в соответствии с которым институт приступил к изданию пособий для работы краеведов в военных условиях. В том же году, по заданию Государственной чрезвычайной комиссии при СНК СССР, институт разработал принципы оценки историко-бытовых и естественно-исторических материалов — изделий из металла, дерева, кости, бисера, произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства, нумизматических коллекций, предметов исторического вооружения. Принципы эти применялись для определения ущерба, нанесенного нашей стране; на их основе было подготовлено специальное пособие по методике и технике оценки музейных коллекций [32].

С уходом А. А. Ширямова исполняющим обязанности директора, а в середине 1942 г. директором института стал Иван Петрович Кряжин (родился в 1897 г.). В двадцать два года он стал членом РКП(б), с 1925 по 1930 г. учился на экономико-правоведческом факультете МГУ и после окончания университета в течение двух лет был секретарем райкома на Камчатке, а затем перешел на должность научного сотрудника в институте по изучению Сибири и Дальнего Востока. И. П. Кряжин учился в аспирантуре ВНИИ пушно-мехового и охотничьего хозяйства (Москва), с 1938 г. был ученым секретарем НИИКМР, оставаясь им до утверждения в должности директора, которую занимал до весны 1945 г. [33]. В 1947 г. он перешел на работу в Биологический музей им. К. А. Тимирязева, которым руководил с 1949 по 1970 г.

В условиях военного времени заметно активизировалась разработка вопросов, которым не придавалось ранее должного значения. В новом «Положении» об институте, утвержденном 11 марта 1944 г., отмечалось, что институт «разрабатывает вопросы организации музейного собирательства (комплектования фондов), научного учета коллекций, рационального способа хранения и реставрации музейных материалов, изучает музейные фонды СССР и составляет сводные научные каталоги» [34]. В марте 1945 г. Институт был передан в ведение Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совнарком РСФСР и был назначен его новый директор, а И. П. Кряжин переведен на должность заместителя директора по научной части [35].

Всего за годы войны Институтом было создано 23 методических пособия по созданию выставок, пособия по оценке музейных коллекций, разработаны научные основы государственного учета музейных коллекций и памятников, организована научная экспертиза

представляемых на государственный учет музейных предметов (около 200 тыс.), составлены классификационные указатели и определители музейных материалов. Институт еще в то время приступил к разработке вопросов истории и теории музейного дела и провел расширенные сессии Ученого Совета по основам музейного дела в условиях войны. Кроме того, на Институт была возложена обязанность распределения различных технических материалов между музеями [36].

Новый директор института Алексей Дмитриевич Маневский (родился в 1904 г.) закончил социально-экономический факультет Киевского университета, учился в аспирантуре музея Революции (1933–1934) и Исторического музея по специальности историк-археолог (1934–1937). Он не имел большого партийного стажа (вступил в партию в 1938 г.), с 1939 по 1940 г. был старшим научным сотрудником Исторического музея; в 1940 г. он стал руководителем кафедры истории СССР в КомВУЗе войск НКВД, преподавал в Литературном институте и был ответственным редактором журнала «Советский музей». Перед началом войны Маневский занимал должность заместителем начальника управления политпросвет работы, позднее стал начальником Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР [37]. В 1941 г. выходит его совместное с А. А. Ширямовым методическое письмо «Об использовании нумизматического и филателистического материала в экспозиции музея», в 1943 — работы по музейно-краеведческому делу, уже под грифом института.

В марте 1945 г. подполковник А. Д. Маневский был назначен директором НИИКМР и практически сразу был назначен руководителем Комиссии культуры Особого комитета при Начальнике тыла Красной Армии по выполнению спецзадания, занимавшейся выявлением и оценкой культурных ценностей в Германии [38]. Музейно-библиотечная группа, как ее называли, состояла из руководителей музеев и библиотек: Библиотеки иностранной литературы — М. И. Рудомино, Политехнического музея — Н.Н.Поздняков и др. (Фактически руководить институтом продолжал И. П. Кряжин.) А. Д. Маневский вернулся со спецзадания в июне 1946 г. [39], а в марте следующего года защитил кандидатскую диссертацию в Институте этнографии АН СССР на тему «Домоногамные пережитки у восточных славян в X–XI вв.».

В конце апреля 1947 г. институт подвергся критике со стороны Наркомпроса за то что: за время его существования не было издано «ни одного серьезного руководства по вопросам теории и методики музейно-краеведческого дела, а изданные методические пособия... не стоят на должном идейно-теоретическом уровне», а также за то, что разработанная структура экспозиции краеведческих музеев делает их схематичными (а как могло быть иначе если требовалось разрабатывать общие методики для всех музеев?), а вопросы методики краеведения были отодвинуты на второй план. Кроме того, институт упрекали в том, что он не привлекал к своей работе «широкого актива специалистов музейного дела и краеведения» и обязали руководство перестроить его работу [40]. В конце ноября 1947 г. Маневский покинул институт; в то же время из института И. П. Кряжин ушел на работу в Биологический музей.

В этот сложный период 28 ноября 1947 г. новым директором был назначен профессор Николай Михайлович Коробков (1897–1947), возглавлявший институт менее месяца. В этот столь краткий период директорства ему удалось провести совещание ведущих сотрудников института (на тот момент их было всего 32, из которых 18 были научными), принявшее судьбоносные для института решения и опре-

делившее его дальнейшее развитие, а также запланировать знаменитые сессии Ученого совета 1948 г. Н. М. Коробков был первым директором Института, имевшим гуманитарное образование, занимавшимся историей культуры и начавшим работать в институте с момента его основания.

Николай Михайлович родился в семье преподавателя истории одной из московский гимназий, получил хорошее домашнее образование, учился в знаменитом Московском Императорском лицее памяти Цесаревича Николая [41]. Он знал несколько древних и новоевропейских языков и, еще будучи лицеистом, увлекся историей, а в 1913–1914 гг. поехал в Египет вместе с английским исследователем А. Холвордом на раскопки, проводимыми Т. Дэвисом в Долине гробниц. В период учебы на юридическом факультете Московского университета он слушал курс в Московском археологическом институте, в 1918 г. получил диплом археолога и был оставлен при кафедре истории искусства древнего Востока [42]. В 1921 г. в Воронежском университете он сдал экзамены за курс филологического факультета и получил третий диплом о высшем образовании. В следующем году он был арестован ОГПУ и приговорен к высылке за границу на «философском корабле», но ввиду тяжелой болезни, угрожающей смертью (последняя стадия туберкулеза), высылка за границу была отменена [43].

В начале 1924 г. Н. М. Коробков становится ученым консультантом Центрального ЦБК и с этого времени принимает участие в его разнообразной деятельности, организует экспедиции по изучению Московской области, Верхнего Поволжья и Оренбургского края. В 1926 г. его вновь арестовывают, применяют пытку, после чего ссылают в г. Мологу Ярославской области. Здесь он пишет исторический роман «Скиф», составляет план археологического обследования уезда и вместе с И. А. Тихомировым (в честь которого сейчас названа Ярославская городская премия за достижения в области культуры) проводит раскопки Прозоровских могильников и публикует их результаты в Москве (1928).

В течение следующих двух лет Коробков возглавлял экспедицию по комплексному изучению Рыбинской и Ярославской областей, затем работал в Средней Азии и Казахстане, не имея постоянного места жительства и работы. Членство в Центральном и Московском областном бюро краеведения, Казахском совете по охране природы, памятников старины и искусства, положение научного консультанта Комитета по охране памятников революции, искусства и культуры (с 1928 г.) [44], а также договоры с рядом издательств (книги для которых были написаны, но не изданы) [45] обеспечивали ему легальные основания для проведения раскопок. В 1930 г. в серии «Библиотека экспедиций и путешествий» издается его книга о Египте «Страна гробниц».

В 1932 г. Н. М. Коробков становится ученым секретарем в только что открывшийся ЦНИИМКР [46] и оказывается в числе других профессиональных исследователей, вытесненных на «научную периферию» и сделавших этот институт уникальным учреждением. Повидимому, в это же время он вновь поселяется в Москве и активно печатается в журнале «Советское краеведение», публикуя материалы по самым разнообразным темам — от статей, посвященных значению документальных фильмов в краеведении или методике геологической разведки, до результатов многочисленных обследований памятников, включая статьи о некоторых работах института. Коробков возглавлял работу Института и ЦБК по археологическому обследованию районов крупного строительства, в частности канала им. Москвы, Большой Волги

и пр. [47]. При строительстве метрополитена в Москве к работе были привлечены археологи, и Н.М.Коробков возглавил эти работы; в 1935 г. вышла его популярная книга «Метро и прошлое Москвы».

Эта работа привела Н. М. Коробкова к изучению истории фортификационных сооружений. Им были обследованы Китайгородская стена, стена Белого города, а также кремли Москвы, Астрахани, Серпухова, Смоленска и стены Троице-Сергиева монастыря, результаты которых, к сожалению, опубликованы не были. По-видимому, эти работы стали и началом его интереса к русской военной историей XVIII в. — его перу принадлежат книги, посвященные Семилетней войне, Кутузову, Румянцеву-Задунайскому, Суворову и др. С 1935 по 1937 г. он также совмещал работу в институте с заведыванием кафедрой истории материальной культуры и преподавал на Высших заочных музейных курсах [48]. После реорганизации Института в 1937 г. он отошел от работы Института и вернулся обратно только в 1942 г. на должность заведующего отделом истории и председателя Исторического сектора [49].

Во время войны Н. М. Коробков разработал программу комплектования материалов по истории Великой Отечественной войны и методические рекомендации по его организации, хранению и научному использованию вновь поступающих материалов, опубликованные в брошюре «Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны». Всю войну он также ездил с лекциями, публиковал статьи в газетах и выступал по радио по военно-исторической тематике. В 1942 г. Коробков был утвержден членом Ученого совета института, в 1946 стал заведующим сектором социалистического строительства, в феврале 1947 — заведующим сектором истории [50], а 28 ноября 1947 г. был назначен директором НИИ краеведческой и музейной работы [51].

Дворянин, получивший прекрасное образование, в советское время пострадал не только в 1922 и 1926 гг. Он не получил научной степени доктора наук, которой, по отзывам его многочисленных коллег, он, безусловно, заслуживал. В 1935 г. ЦНИИМКР и Высшие музейные курсы ходатайствовали в ВАК о присвоении ему ученого звания профессора и ученой степени доктора исторических наук без защиты диссертации [52]. Частично (присуждение звания профессора и ученой степени кандидата исторических наук) ходатайство было удовлетворено только в 1938 г. [53]. Второе ходатайство в ВАК было подано в 1943 г. от имени НИИМКР, Военно-исторического архива, Всесоюзной книжной палата и Московского областного краеведческого музея [54]. Ответа не последовало. Наконец, при поддержке Академии артиллерийских наук и Государственного исторического музея в 1946 г. институт третий раз ходатайствовал перед ВАК, но до декабря 1947 г. ответ так и не был получен.

В некрологе, опубликованном в «Вечерней Москве» 29 декабря 1947 г. и подписанном Б. Д. Грековым, И. Э. Грабарем, И. Н. Плавильщиковым, А. В. Арциховским, Н. Н. Ворониным, Н. П. Шляпниковым и другими, было написано: «Н. М. Коробкова знали в широких кругах исторической, военно-исторической, музейной, краеведческой общественности как человека большого внутреннего обаяния, крайне чуткого и отзывчивого» (отметим, что в то время так писать некрологи было не принято).

По итогам ставшего знаменитым совещания ведущих сотрудников Института, проведенного Н. М. Коробковым, были намечены возобновление издательской деятельности, пути налаживания более тесной связи с музеями и краеведческими организациями посредством

проведения конференций, была поставлена задача добиться «права Ученого Совета присуждать ученые степени и звания по музейведческому профилю» и открытия аспирантуры, принято решение возобновить работу методического кабинета и расширить охват исследований – не ограничиваться краеведческими музеями РСФСР, но и включить вопросы работы центральных музеев, музеев других ведомств и других республик [55]. Николай Михайлович взялся за сложное дело возрождения и обновления института, но, к сожалению, ему не удалось воплотить это в жизнь самому. В следующем году институт возглавил профессор Федор Николаевич Петров.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] См.: Шулепова Э. А. К 70-летию Российского института культурологии: этапы, исследователи, проблемы // От краеведения к культурологии. М., 2002. С. 4-14.
- [2] НА РИК. Оп. 3.1. Ед. хр. 240. Л. 23.
- [3] НА РИК. Оп. 3.1. Ед. хр. 16. Л. 18; Оп. 6, Ед. хр. 91. Л. 137.
- [4] НА РИК. Оп. 6, Ед. хр. 91, Л. 54.
- [5] НА РИК. Оп. 3.1, Ед. хр. 252, Л. 31.
- [6] НА РИК. Оп. 3.1, Ед. хр. 110, Л. 65; Оп. 6, Ед. хр. 91, Л. 137.
- [7] ГАРФ. Ф. А-534, От. 1, Д. 2, Л. 182-183.
- [8] Соболев В. С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 6. С. 535-541.
- [9] К созыву III Всероссийской конференции по краеведению // Известия ЦБК. 1927. № 8. С. 266.
- [10] Известия ЦБК. 1927. № 8. С. 272-273.
- [11] Новый этап в краеведении // Сов. краеведение. 1930. № 1-2. С. 1.
- [12] Советское краеведение. 1930. № 11-12. С. 55-56.
- [13] Об организации Центрального института краеведения // Сов. краеведение. 1930. № 6. С. 50.
- [14] О сети научно-исследовательских учреждений РСФСР : Постановление Совета народных комиссаров Р.С.Ф.С.Р. № 455 от 3 мая 1932 г.
- [15] ГАРФ. Ф. Ф-2306, Оп. 69, Д. 2144, Л. 60.
- [16] НА РИК. Оп. 3.1, Ед. хр. 170, Л. 1-2.
- [17] Потемкин М. Центральные Научный исследовательский институт методов краеведческой работы // Сов. краеведение. 1932. № 8-9. С. 30-32.
- [18] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2144. Л. 50.
- [19] Всем краевым и областным отделам народного образования, а также отделам народного образования Автономных областей и республик Р.С.Ф.С.Р. // Сов. краеведение. 1930. № 10. С. 37; ГАРФ. Ф. 2306, Оп. 69, Д. 2144, Л. 60 и 69.
- [20] ГАРФ. Ф. 23, Оп. 69, Д. 2128, Л. 25 и Д. 2204, Л. 148.
- [21] ГАРФ. Ф. 2306, Оп. 69, Д. 2185, Л. 112.
- [22] ГАРФ. Ф. А-259, Оп. 24, Д. 131, Л. 7 и Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2270. Л. 83.

- [23] *Разгон А. М.* Пути советского краеведения // История СССР. 1967. № 4. С. 196.
- [24] *Ширямов А.* Задачи Института краеведческой и музейной работы // Сов. музей. 1937. № 9-10. С. 49-50.
- [25] *Мансуров А.* Изучение техники музейного дела // Сов. музей. 1939. № 5. С. 46.
- [26] Краткий указатель музеев г. Москвы / НИИ краевед. и музейн. работы ; отв. ред. А. А. *Ширямов*. М., 1941. 21 с.; Краткий указатель музеев г. Москвы и Московской области / НИИ краевед. и музейн. работы ; отв. ред. А. А. *Ширямов*. М., 1941. 37 с.
- [27] *Ширямов А. А.* Работать по стахановски // Сов. краеведение. 1935. № 12. С. 1-6.
- [28] НА РИК. Оп. 3.1. Ед. хр. 240.
- [29] НА РИК. Оп. 3.1. Ед. хр.91. Л. 136 и Л. 182.
- [30] *Фролов А. И.* Из истории становления музееведческих центров России // Музей и власть : сб. науч. тр. М., 1991. Т. 2. С. 86.
- [31] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2819. Л. 28-30.
- [32] *Фролов А. И.* Указ. соч. С. 87-88.
- [33] НА РИК. Оп. 3.1. Ед. хр. 110. Л. 47.
- [34] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3065. Л. 19.
- [35] НА РИК. Оп. 3.1. Ед. хр. 110. Л. 55.
- [36] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3092. Л. 110.
- [37] *Фролов А. И.* Указ. соч. С. 81; НА РИК. Оп. 3.1. Ед. хр. 136. Л. 2.
- [38] См.: Семейный архив Рудомино : Письма. Документы // Перемещенные культурные ценности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libfl.ru/restitution/rudomino/rudomino3.html#7a> (дата обращения 16.06.2012).
- [39] НА РИК. Оп. 3.1. Ед. хр. 136. Л. 30 и Ед. хр. 110. Л. 57.
- [40] ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 27. Л. 182-183.
- [41] ОР РГБ. Ф. 571. К. 1. Ед.хр. 5. Л. 1.
- [42] ОР РГБ. К. 1. Ед.хр. 1. Л. 1.
- [43] *Селезнева И. Н.* Интеллектуалам в советской России места нет // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова [Электронный ресурс]. Социальная история отечественной науки : проект. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/sel01vr.htm> (дата обращения: 16.06.2012).
- [44] ОР РГБ. К. 1. Ед.хр. 15. Л. 2 и Л. 5.
- [45] ОР РГБ.. К. 1. Ед.хр. 22. Л. 6 и Л. 51.
- [46] ОР РГБ. Ф. 571. К. 1. Ед.хр. 1. Л. 1 об.
- [47] *Геллер А. Г.* Николай Михайлович Коробков (1897–1947) // Вопросы географии. Москва и подмосковные районы. М., 1961. Сб. 51. С. 190-191.
- [48] ОР РГБ. К. 1. Ед.хр. 3. Л. 7 об.-8; Ед.хр. 15. Л. 10.
- [49] ОР РГБ. К. 1. Ед.хр. 23. Л. 31.

[50] НА РИК. Оп. 3.1. Ед. хр. 110. Л. 21; Оп. 3.1. Ед. хр. 19. Л. 13; Оп. 3.1. Ед. хр. 3. Л. 30.

[51] ОР РГБ. Ф. 571. К. 1. Ед.хр. 18. Л. 22.

[52] ОР РГБ. Ф. 571. К. 1. Ед. хр. 23. Л. 28-29.

[53] ОР РГБ. Ф. 571. К. 1. Ед. хр 8. Л. 11.

[54] ОР РГБ. Ф. 571. К. 1. Ед. хр. 23. Л. 27, 30, 40-48.

[55] ОР РГБ. Ф. 571. К. 1. Ед.хр. 32.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ — Государственный Архив Российской Федерации

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

НА РИК — Научный архив Российского института культурологии

© Кудрявцева Е. Б., 2012

Статья поступила в редакцию 21 октября 2011 г.

Кудрявцева Елена Борисовна,
кандидат культурологии,
старший научный сотрудник
Сектора проблем научной информации,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: lekudr@mail.ru

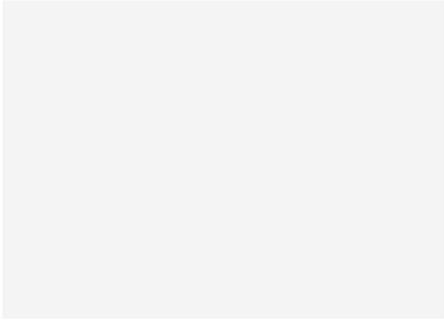
UDC 061.6(091):008

Kudryavtseva E.

Establishment and the Early Years of the Institute

Abstract. The article highlights the general situation in the field of local studies prior to the establishment of the Russian Institute for Cultural Research and the history of its reorganizations, evolution of its mission and the main directions of its work, development of its organizational structure and changes in location of its rooms and premises in 1932–1947. The author characterises the basic forms of the Institute’s activities, participation in discovery and preservation of historical and cultural monuments in the period under review and represents short biographies of the Institute’s directors including their organisational and academic work.

Key words: local studies, local studies institutions, museology, Central Bureau for Local Studies, Central Research Institute for Local Studies Methods, Research Institute for Local Studies and Museum Work, Alexander Shiryamov, Nikolai Korobkov

Kudryavtseva Elena Borisovna,
PhD in Culturology,
Senior Researcher of the Scientific Information Department,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: lekudr@mail.ru